

О РАННЕМ ЭТАПЕ ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА В АРМЕНИИ И НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Г. Е. АРЕШЯН

Начало индустриального освоения железа в Передней Азии является одним из актуальных и трудно разрешимых вопросов археологии. Достоверно не установлена дата начала систематического ремесленного производства железных и стальных изделий, не решен вопрос о числе центров изобретения плавки железа. На протяжении последних четырех десятилетий считалось, что впервые варить железо научились хетты, овладевшие процессом науглероживания в XV в. до н. э., однако ряд данных позволяет сомневаться в этой датировке и явственно указывает на значительно более широкий ареал раннего железа.

Современное состояние вопроса ставит исследователя перед необходимостью углубленного археологического изучения наиболее богатых железными рудами областей Древнего Востока, на территории которых уже в III—II тысячелетиях до н. э. высокого уровня достигла металлургия бронзы. Указанные предпосылки приковывают внимание археолога к северным районам Ближнего Востока—Малой Азии, Армянскому нагорью, Южному Кавказу, северо-западному Ирану.

На территории Армении, несмотря на большое количество археологических материалов, относимых к эпохе развитой бронзы и широкого распространения железа, недостаточно изучены памятники переходной эпохи конца II—начала I тысячелетий до н. э. Нет единой точки зрения и на вопрос о начальной дате систематического изготовления железных предметов в Закавказье. Рассматривая хронологию раннего этапа освоения железа в Армении, следует вспомнить критерии датировок. Верхним таким критерием является распространение урартских изделий в памятниках Закавказья IX—VII вв. до н. э. Еще в 1941 году Б. А. Куфтин писал: «Время ванской экспансии в области Южного Кавказа становится таким образом центральной осью при исследовании памятников рубежа I и II тысячелетий до нашей эры»¹. Значение урартского происхождения целого ряда железных изделий из могильников Северной Армении особо подчеркивал Б. Б. Пиотровский².

С другой стороны, в последние годы появился новый нижний критерий хронологической увязки. Речь идет о хурри-митаннийских цилиндрических печатях, обнаруженных во время раскопок крупных некрополей эпохи поздней бронзы в Артике и Лчашене (раскопки Т. С. Хача-

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941, стр. 4.

² См. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 117—119.

тряна и А. О. Мнацаканяна). Эти два основных критерия позволяют в той или иной степени соотнести значительную часть комплексов из Закавказья второй половины II—первой трети I тысячелетий до н. э. с древневосточными памятниками, существование которых зафиксировано письменными источниками, а также распределить инвентари, связанные с ранним этапом освоения железа, на основании принципов относительной хронологии, между этими веками.

В отличие от ряда металлических изделий переднеазиатского типа (например, мечи с рамочной рукоятью и пр.), которые имели длительные сроки бытования, исследование печатей позволяет установить более точные даты. Наиболее ранние комплексы позднебронзовой эпохи могут быть отнесены ко второй половине XV—XIV вв. до н. э., а древнейшая группа арктических катакомбных погребений датирована XIV—XIII вв. до н. э.³

Эти хронологические критерии позволяют несколько изменить подход и к некоторым известным памятникам Армении, в которых впервые было установлено появление железных изделий.

К этим памятникам относится могильник Редкин-лагеря близ Дилижана, на котором проводили работы ряд исследователей⁴. Среди материалов Редкин-лагеря особую ценность для изучения представляют многочисленные находки из раскопок Ф. Байерна в 1879 г., опубликованные по отдельным комплексам⁵, и менее эффектные, но хорошо документированные материалы, обнаруженные Б. Б. Пиотровским в 1942 г. Значение находок Байерна заключается также в том, что раскопанные им захоронения содержали аналогичные между собой инвентари и относились к ограниченному промежутку времени. Керамика из погребений, раскопанных Ф. Байерном, представлена типичными чернолощеными сосудами со слабо выраженной орнаментацией, нанесенной техникой лощения, и вдавленными украшениями. В целом они аналогичны керамике из группы арктических склепов, которые следует датировать преимущественно XII веком до н. э. Среди весьма многочисленной керамики Редкин-лагеря (речь идет о раскопках вышеупомянутых исследователей) практически отсутствуют черные и серые, иногда лощеные кувшины с узким вытянутым горлом и одной ручкой, спускающейся от венчика к плечикам, наиболее ранние типы которых бытовали в памятниках по течению реки Агстев по крайней мере с X в. до н. э.

В погребении № 65 (раскопки Ф. Байерна) был обнаружен богатый комплекс украшений, представленный 18-ю основными типами (рис. 1). Среди них особый интерес представляют бронзовые подвески в виде ме-

³ См. Г. Е. Арешян, О некоторых погребениях Арктического некрополя. «Молодой научный работник» Ереванского университета, 1970, № 1, стр. 211—218.

⁴ Общую характеристику некрополя Редкин-лагеря и историю его изучения можно найти в работе: С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея, Ереван, 1969, стр. 5—15, 89—99.

⁵ См. F. Bayern, Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien. „Zeitschrift für Ethnologie“, 1885, Supplement, стр. 1—2, табл. VIII—X, XI (3), XVI.

дальонов с изображениями крестов (рис. 1, 3, 7, 8), которые С. А. Есаян связывает с культом солнца. В том же погребении обнаружено два чернолощеных кувшина.

Помимо керамики, которая синхронизируется с находками из армянских склепов, для датировки материалов из раскопок Байерна су-

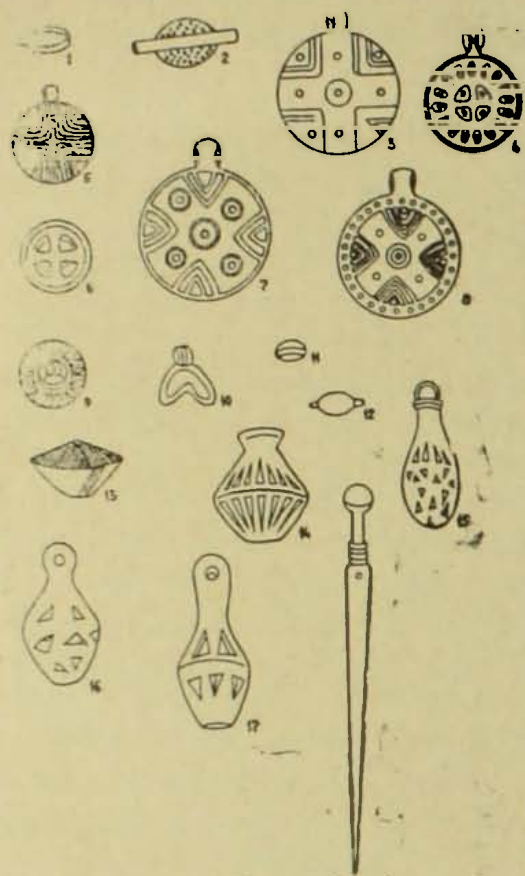

Рис. 1.

щественным является то обстоятельство, что среди многочисленных предметов украшений не обнаружено ни одной бронзовой фибулы, что отмечал еще Э. Шантр⁶. Последние известны в значительном числе в более поздних памятниках Дилижана и в определенный период являлись необходимой частью костюма. Б. А. Куфтин обратил внимание на данные Христиана Блинкенберга, которые, очевидно, говорят о том, что существование субмикенского прототипа кавказской фибулы приходится на промежуток XII—X вв. до н. э.⁷, т. е. в Закавказье они могли распространиться не раньше этого времени, где-то около XI столетия до н. э. В тех же погребениях Редкин-лагеря было найдено значительное число обсидиановых наконечников стрел. Указанные соображения позволяют датировать погребения, раскопанные

Ф. Байерном и Б. Б. Пиотровским, XII—XI вв. до н. э. Тем самым следует вернуться к ранней дате Редкин-лагеря в системе относительной хронологии могильников Северной Армении, построенной Ж. де Морганом в 1889 г., и в некоторой степени присоединиться к абсолютной датировке К. Шеффера⁸.

С точки зрения рассматриваемого вопроса, особый интерес представляет факт находки во время раскопок Ф. Байерна двух железных наконечников копий в погребениях № 17 и № 19 вместе с керамикой, характерной и для других комплексов (в каждом из этих погребений было найдено по 6 сосудов) Редкин-лагеря. Появление железного оружия в этих погребениях зажиточных общинников знаменует собой переход к огра-

⁶ См. E. Chantre, *Recherches anthropologique dans le Caucase*, t. II, *Période protohistorique*, Paris—Lyon, 1886, стр. 175.

⁷ См. Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 72.

⁸ См. J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, t. I, Paris, 1889, стр. 81, 82; CL. F. A. Schaeffer, *Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale*, London, 1948, стр. 505, 506.

ниченному, но уже систематическому производству предметов из железа древними кузнецами Армении, а также естественно отмечает начальный период индустриального освоения железа, охватывающий XII—XI вв. до н. э.

К памятникам рассматриваемого круга относится и погребение № 16, раскопанное Е. С. Такайшвили на Ворнакском могильнике в 1894 г., достаточно обоснованно датированное концом XII—XI вв. до н. э.⁹ Здесь необходимо подчеркнуть открытие в данном захоронении железного наконечника копья с бронзовой втулкой и железного предмета, возможно кинжала. Погребальный инвентарь гробницы № 16 (меч, секира, пояс из бронзы и пр.) свидетельствует о том, что погребенный в ней по своему социально-экономическому положению был свободным богатым общинником-воином.

Той же эпохой или чуть более поздним временем следует датировать гробницу, разрытую много лет тому назад близ селения Кулиджан (ныне Спандарян) на северо-западных склонах горы Арагац. Несмотря на исключительную научную ценность сделанных находок, они не привлекли должного внимания специалистов. Предметы, обнаруженные в погребении, были доставлены в Государственный музей Армении Т. Тораманяном, который посвятил им несколько строк¹⁰. Основные находки из Кулиджанской гробницы хранятся в музее по сей день.

Гробница, безусловно, была связана с развалинами древнего города-крепости близ Кулиджана, где находится надпись ванского царя Аргишти I, рассказывающая о захвате этого населенного пункта—города Дурубани и победе над страной Кулиа¹¹.

Если судить по фотографии из архива Т. Тораманяна (рис. 2)¹², на которой представлены находки из Кулиджанской гробницы, инвентарь ее состоял из весьма характерных керамических и металлических изделий. Сосуды черно-серые, местами сохранившие следы лощения. Два амфоровидных кувшина имеют сильно вздутый корпус, узкое горло на низкой шейке и по паре относительно небольших ручек. Один из них украшен по верхней части корпуса небрежно выполненным врезным зигзаговидным пояском.

Аналогичные кувшины можно видеть среди керамики Ленинанского могильника, одновременного погребению № 16 Ворнака, в материалах из Садахло, которые следует полностью синхронизировать с Кулиджанской гробницей, а также среди находок из раскопок Е. А. Лалаяна в бассейне оз. Севан¹³ и других мест. Сосуды этого типа найдены

⁹ См. А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 114, 115.

¹⁰ См. Р. Р. Плещинский, *Урартские клинообразные надписи*, т. I, *Врлш*, 1942, стр. 39.

¹¹ См. Г. А. Мелikian, Урартские клинообразные надписи (далее—УКН), М., 1960, № 132.

¹² Фотография, хранящаяся у дочери Т. Тораманяна—Н. Тораманян, была любезно передана нам в 1969 г. при посредстве Т. С. Хачатряна.

¹³ См. А. А. Мартиросян, указ. соч., стр. 127, 129, рис. 51 (3—4); J. De M... 13*

в погребениях № 3, 7, 16, 18, 62, 72 Цинцкаройского могильника, датированных недавно XI веком до н. э.¹⁴ Рассматриваемый керамический тип появляется уже в древнейших погребениях Самтаврского могильника, в

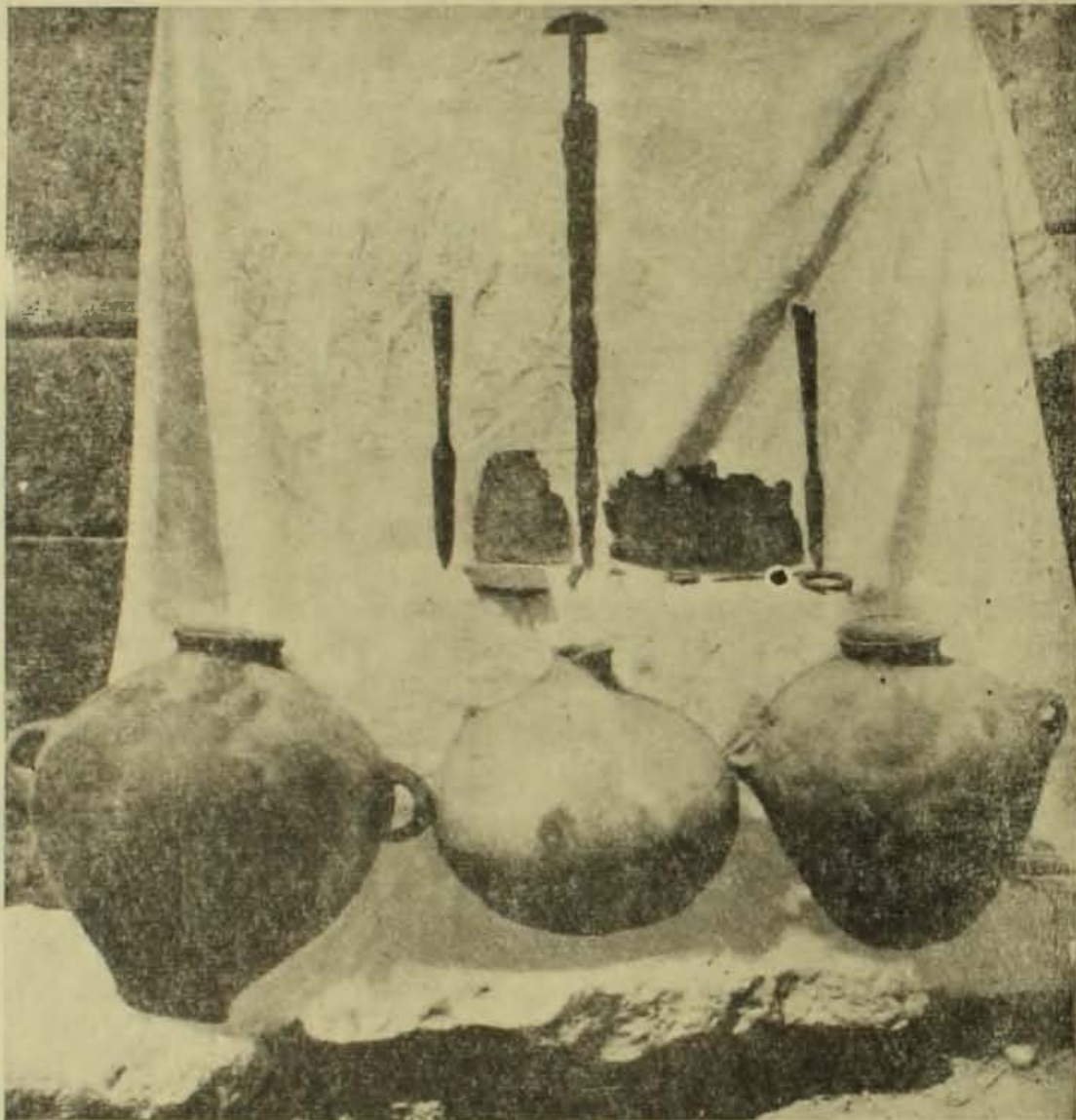

Рис. 2.

каменных ящиках и грунтовых захоронениях некрополя Маднисчала и, что очень существенно, в катакомбных склепах № 48 и № 89 Артика¹⁵. Последние мы датировем XII веком до н. э., не исключая, однако, возможности незначительного удревнения этой даты. Двуручные кувшины Кулиджана, Садахло, Цинцкаро и др., несомненно, являются более раз-

გაქ, указ. соч., стр. 74, 75, рис. 151 (5), 156. *ბ. ლალაჯანი, ზამრანისერის ძეგლის მონეტები, ბრელი, 1931, რის. 74.*

¹⁴ См. М. Менабде, Ц. Давланидзе, Могильники Трналет. Каталог, вып. I, Тбилиси, 1968, стр. 35, № 8, 29, 75, 84, 267, 318.

¹⁵ См. ტ. ჩუბინიშვილი, მცხეთის უძველესი არქეოლოგიური ძეგლები, თბ. 1957, რის. 8, табл. VI, XIV; ი. თუბიშვილი, მადნისჯალის სამაროვანი, თბ., 1972, табл. XXX; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, Ереван, 1963, стр. 36, 38, 39, 179, 191, табл. 24 (1, 4).

витым вариантом этого типа, что позволяет отнести их к XI—X столетиям до н. э. Находка чернолощенной амфоры в Малом кургане Уч-Тепе¹⁶ не может являться основанием для омоложения отмеченных комплексов, поскольку сосуды данного типа вообще мало характерны для района Гандзака, Нагорного Карабаха и Мильской степи в эпоху раннего железа (до VIII в. до н. э.). Светлоглиняные узкогорлые кувшины с парой небольших ручек на корпусе были распространены в восточной части Куро-Аракского междуречья в эпоху кувшинных погребений.

Другим сосудом, обнаруженным в Кулиджанской гробнице, является узкогорлая гидрия с маленькой петелькой на верхней части корпуса, украшенная врезным орнаментом в виде ряда треугольников. Аналогичные гидрии и их варианты происходят из синхронных памятников: Мецамора (раскопки Э. Ханзадян и К. Мкртчяна), доурартских слоев Двина (раскопки К. Г. Кафадаряна), доурартского поселения Кармир-блур (А. А. Мартиросян), поздних погребений Кармир-берда (П. В. Чарковский, С. А. Есаян), Артика (Т. С. Хачатрян), Садахло и других мест. Большая часть этих параллельных материалов с полным основанием датирована или может датироваться XI—X вв. до н. э.

Металлический инвентарь из Кулиджана представлен прежде всего наступательным оружием. Наибольший интерес представляет длинный железный меч с узким колющим клинком, вытянутость которого говорит, однако, о том, что перед нами не только колющее, но и рубящее оружие. Навершие рукояти имеет форму слабо изогнутого полумесяца, а сама рукоять—выступающие края, в которых закреплялись обкладки. Обкладки удерживались также шипами, сохранившимися на плоской, углубленной части рукояти. По причине выступающих краев эфеса и рукояти оружие этого типа называется многими исследователями мечами (или кинжалами) с рамочной рукоятью. Кулиджанский меч не находит себе аналогов среди железного оружия из закавказских памятников рубежа II—I тысячелетий до н. э. и поэтому первая, бросающаяся в глаза черта—его форма, копирующая бронзовые переднеазиатские мечи с рамочной рукоятью, которые широко использовались на территории Армении с середины II тысячелетия до н. э. Этот тип оружия представлен несколькими морфологическими вариантами в бронзовой индустрии Армении, что свидетельствует о его адаптации металлургическим производством рассматриваемого региона.

На фотографии из архива Т. Тораманяна представлены два наконечника копья (хотя в Государственном музее истории Армении мы могли видеть лишь один из них). Один из них бронзовый, а другой—железный. Последний имеет длинную втулку. Наконечники копий вместе с кинжалами являлись наиболее ранним видом железного оружия, индустриально производившегося на территории Армении, Восточной Грузии, Ленкорани. Кажется, что для самой древней разновидности желез-

¹⁶ См. А. А. Иессен, Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. «Труды Азербайджанской археологической экспедиции», т. II. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 125, М.—Л., 1965, рис. 8 (3).

ных наконечников копий характерна малая длина пера относительно длины втулки, хотя возможны и исключения (например, могила № 591 раскопок Ф. Байерна в Самтавро).

Среди предметов вооружения из Кулиджана можно видеть и бронзовый плоский черенковый наконечник стрелы с опущенными усиками. Данный тип широко распространен в памятниках Закавказья и существовал до конца VIII в. до н. э.

В Кулиджанской гробнице был похоронен всадник, но только бронзовые удила свидетельствуют об этом, и мы не знаем, был ли захоронен с хозяином и его конь. Удила эти относятся к типу, редкому для Закавказья. Они состояли из двух одинаковых частей, некогда соединявшихся между собой сыромятной кожей. Каждая из бронзовых частей имеет длинный перевитый стержень, в загнутый конец которого вдето свободно ходящее массивное кольцо. Лучший экземпляр подобных удила был обнаружен А. А. Ивановским на черепе лошади в каменном ящике № 56 Кедабека. Наиболее своеобразной чертой их является отсутствие металлических трензелей, вдевавшихся в рот лошади, замененных в данном случае сыромятной кожей¹⁷. Естественно, что эти удила морфологически не имеют ничего общего с бронзовыми двухтрензельными удилами без напускных псалиев, известными из Ленинакана, Садахло, Мелаани, Мингечаура¹⁸ и других мест.

Незаурядный комплекс из Кулиджана довершается широким бронзовым поясом с гравированными на нем изображениями. Иконографически ближе всего к кулиджанскому экземпляру стоит бронзовый пояс из Казахского района Азербайджанской ССР¹⁹.

Анализ инвентаря Кулиджанской гробницы позволяет датировать ее 1100—900 гг. до н. э., в круглых цифрах, т. е. отнести время ее сооружения на два столетия после правления Адад-нирари I (1307—1275 гг. до н. э.), бусина с именем которого была обнаружена в Ходжалинском кургане № 11.

К эпохе, охватываемой комплексами Редкин-лагеря, Кулиджана, ворнакского погребения № 16, относятся и находки железного оружия из Кировакана²⁰, из раскопок Е. Лалаяна в Севанском бассейне, однако недостаточная документированность этих предметов не позволяет использовать их в данной работе.

Постепенное расширение производства изделий из железа и стали на рубеже II—I тысячелетий до н. э. может быть хорошо прослежено по

¹⁷ См. А. А. Ивановский. По Закавказью, «Материалы по археологии Кавказа», вып. VI, М., 1911, стр. 127, 128, табл. VII (3, 6).

¹⁸ См. А. А. Мартиросян, указ. соч., рис. 49; J. de Morgan, указ. соч., стр. 139, рис. 144; კ. თოდოშაშვილი, იბრა-ალაზნის აუზის ტერიტორიაზე მოსახლე ტომთა უძველესი კულტურა, თბ., 1965, табл. XVIII (4), XXIII (1, 2); Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 96, 97, табл. XXXIX (2, 4).

¹⁹ См. Р. М. Вандов, И. Г. Париманов, Развитие археологической науки в Советском Азербайджане, «Советская археология» (далее—СА), 1967, № 4, рис. 5 (2).

²⁰ См. А. А. Мартиросян, указ. соч., стр. 144.

материалам из раскопок П. В. Чарковского (хранятся в Государственном музее Грузии) и С. А. Есаяна на Кармир-бердском (Тазакендском) могильнике. В многочисленных каменных ящиках Кармир-берда покоились останки рядовых скотоводов-земледельцев, членов небогатой общины. Тем самым находки в них железных предметов обладают большим статистическим значением.

Среди многочисленных погребений, раскопанных Ж. де Морганом по среднему течению реки Дебед, особый интерес, с точки зрения рассматриваемого вопроса, представляет каменный ящик № 472 некрополя Мусиери. Его стенки были сложены из четырех тонких крупных каменных плит. Скелет находился на левом боку в сильно скорченном положении. Помимо двух сосудов и шести бронзовых браслетов в погребении был обнаружен длинный железный меч и большая булава с вытянуто-пирамидальной головкой²¹. Этот погребальный комплекс и другие древнейшие инвентари лалварских могильников (исключая Садахло) фиксируют *terminus post quem* приблизительно 1050 г. до н. э. для наиболее ранних склепов, раскопанных Ж. де Морганом. Находки из моргановских раскопок весьма полно отражают культуру населения Дебедского бассейна, начиная с этой даты и до конца VII в. до н. э. (не учитывая более поздние кувшинные погребения и изолированный склеп Ахталы).

Начало индустрии железа на территории Восточной Грузии фиксируется материалом Бешташенского могильника (раскопки Б. А. Куфтина). Здесь древнейшим свидетелем начальной стадии систематического производства изделий из этого металла является железный кинжал из грунтового погребения № 18 (рис. 3). Датировка этого комплекса XII веком до н. э. кажется достаточно убедительной. На это указывает и керамика, представленная двуручными кувшинами с суженным горлом, сосудом с биконическим корпусом и мисками. Закономерно для этого времени наличие архаичных бронзовых черенковых наконечников стрел²². Появление аналогичных наконечников стрел на Артикском могильнике, в частности в склепе № 74²³, также относится по крайней мере к XII в. до н. э. С другой стороны, присутствие в инвентаре погребения № 18 булавы с вытянуто-пирамидальной головкой, идентичной древнейшему лалварскому типу, не позволяет относить захоронение к более ранней эпохе. Тем же временем датируется и фрагмент лезвия железного ножа из погребения № 13 того же могильника.

Появление железных изделий в Самтаврском могильнике (Мцхета) следует относить, в полном согласии с Р. М. Абрамишвили, ко второй половине XII—XI вв. до н. э. Наиболее типичен инвентарь грунтового погребения № 56, а также комплекс металлических предметов из сам-

²¹ См. J. de Morgan, указ. соч., стр. 74, 119—123, рис. 30, 90.

²² См. Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 67, рис. 83; როსტომ აბრამიშვილი, რკივის ათვისების საკითხისათვის აღმოსავლეთ საქართველოს ტერიტორიაზე, აკად. ს. ჯანაშიას სახ. საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის მოამბე (далее—с. о. м.), т. XXII—B, 1961, табл. II (2).

²³ См. Т. С. Хачатрян, указ. соч., стр. 58, 59, 186, рис. 7 в.

Существенное отношение к проблеме ремесленного освоения железа в областях к югу от реки Куры имеет Ходжалинский могильник в Нагорном Карабахе, широко известный в археологической литературе²⁸. Особое значение имеет датировка ходжалинских курганов с каменными насыпями, перекрывающими крупные каменные ящики. Насколько известно, всего раскопано семь курганов этой группы (№ 7, 11, 14, 19, 20, 21 и 120, последний раскопан Я. И. Гуммелем). Как справедливо отмечают К. Х. Кушнарера и другие исследователи, они относятся к ограниченному промежутку времени, примерно соответствующему двум столетиям, или даже еще более короткому периоду. Бронзовый инвентарь этих курганов с достаточной определенностью позволяет определить возможную верхнюю дату их сооружения.

Бронзовые черенковые ножи с загнутым концом лезвия, обнаруженные в ходжалинском кургане № 20, типичны для ряда погребальных комплексов Закавказья последних двух столетий II тысячелетия до н. э. Данный тип предметов из бронзы существовал, по-видимому, и в X в. до н. э., но в этот период он уже активно вытесняется железными ножами той же формы. Возможность существования этих бронзовых ножей в IX в. до н. э. трудно допустима, тем более, что в одном кургане № 20 было обнаружено два экземпляра из бронзы и ни одного из железа. Из того же кургана происходит орнаментированный плоский бронзовый «закавказско-анатолийский» топорик с выступающими прямыми плечиками и прямоугольной рукоятью. Время типологического господства данного варианта приходится на последнюю четверть II тысячелетия до н. э. Однако уже в XI—IX вв. до н. э. из этих топориков вырабатывается новый тип с сегментовидной рукоятью, представленный образцами из вышеупомянутого погребения № 16 Ворнака, Алавердскогоклада и т. п. В литературе неоднократно рассматривались вопросы типологии и хронологии плоских ручных топориков Западной Азии и, в частности, Закавказья.

Во избежание отклонения от основной темы следует указать лишь на недавнюю находку двух форм для отливки плоских бронзовых топоров именно того варианта, что и образец из кургана № 20. Они как бы фиксируют наиболее позднюю дату изготовления орудий данного типа. Формы обнаружены в селе Гантиади Дманисского района Грузинской ССР в погребении литейщика вместе с другими принадлежностями для литья бронзы²⁹. В тот же комплекс входят три литейные формы секир «восточнозакавказского» или «амазонского» типа с рифленным обухом. Наибольший интерес представляет факт находки в том же каменном ящике разнообразных железных изделий: кинжала, ножа, втулки накопечника копья, железного стержня. Анализ инвентаря позволяет без

²⁸ См. К. Х. Кушнарера, Ходжалинский могильник, «Историко-филологический журнал», 1970, № 3, стр. 109—124. Там же см. основную литературу по этому памятнику.

²⁹ См. Г. Б. Авалншвили, Погребение литейщика из могильника сел. Гантиади (Южная Грузия), СА, 1970, № 4, стр. 183—189.

особых затруднений отнести время сооружения могилы к X—IX вв. до н. э.

Этот своеобразный материал показывает принципиальную преемственность металлургии бронзы и железа, а также отмечает новый технологический этап в металлургии в связи с началом систематического ремесленного производства железных изделий. Замечательно, что когда в результате продолжительного употребления две из форм для отливки секир треснули, дманисский кузнец закрепил одну из них медными скобами, а другую—железными. Железный стержень также, вероятно, являлся заготовкой передельного металлургического процесса. С одной стороны, железные изделия, обнаруженные в каменном ящике Гантнади, требовали при изготовлении больших навыков в ковке горячего металла, с другой—для изготовления бронзовых топоров было необходимо высокое литейное мастерство.

Гантнадский комплекс подводит нас на фактическом материале к постулированному положению о переживании ряда типов бронзовой индустрии в период развертывания металлургии раннего железа. Изделия элементарных линейных форм типа ножей, клинков мечей, кинжалов, наконечников копий (у последних втулка свертывалась из той же пластины, из которой ковалось перо наконечника) сравнительно легко изготовлялись опытными кузнецами путемковки горячего металла. Именно эти типы и вошли первыми в компаунд раннежелезного производства. В то же время изделия сложной конфигурации, предметы, требовавшие изготовления отверстий без швов или со сварным швом и т. п., такие, как упомянутые секиры «амазонского» типа или плоские топорники с выражено сегментовидным лезвием, должны были дольше удержаться в варианте из бронзы в силу литейных качеств металла. Тем замечательнее вышеописанный меч из Кулиджана, свидетельствующий о том, что оружейник, изготовивший его, был поистине виртуозом своего дела. Во имя сохранения преемственности в форме изделия с металлургией бронзы он пошел на преодоление технологических ограничений, изготовив железную рукоять меча сложной конфигурации с той же выемкой и закраиной, что и у традиционного типа бронзовых мечей с рамочной рукоятью. Количество примеров копирования форм традиционных бронзовых изделий в железе древними металлургами Армении, Восточной Грузии и Азербайджана может быть увеличено.

Возвращаясь к ходжалинским курганам с каменными насыпями, следует подчеркнуть, что и бронзовый плоский топорник из кургана № 20 указывает на дату в пределах XII—IX вв. до н. э., но никак не позднее. Бронзовая ажурная подвеска в виде фигурки птицы из кургана № 11 также является характерным предметом. Аналогичные украшения происходят из ряда артекских катакомбных склепов³⁰, датируемых XII веком до н. э. Такая же птичка была обнаружена во время вышеупомянутых раскопок Ф. Байерна могильника Редкин-лагерь в погребении № 49.

³⁰ См. Т. С. Х а ч а т р я н, указ. ссч., стр. 75—77, табл. 5.

Нам не известны находки ажурных бронзовых подвесок в виде фигурок птиц в документированных комплексах моложе XI в. до н. э., и уж во всяком случае они вряд ли могут быть обнаружены в памятниках позднее I столетия—I тысячелетия до н. э.

Сторонники поздней даты ходжалинских «каменных» курганов, относящие их к VIII—VII вв. до н. э., выдвигают в качестве основного аргумента факт находки в них глазурованной керамики, которая, казалось, была ассирийского происхождения и не могла попасть в курганы до установления господства ванских царей к северу от Аракса во второй четверти VIII в. до н. э. Замечательные находки глазурованной керамики во время последних раскопок в Айгеване (Араратский район) и другие новые материалы свидетельствуют о распространении этого вида керамической продукции в междуречье Куры и Аракса еще по крайней мере ранее конца IX столетия до н. э. Приведенные данные относительно инвентаря ходжалинских «каменных» курганов делают более чем вероятной дату их сооружения до 900 г. до н. э.

В свете этих соображений необходимо вновь обратиться к ходжалинскому кургану № 11, где вместе с бронзовой ажурной птичкой была найдена ассирийская бусина с именем царя Адад-нирари. Хронология отмеченных комплексов с большой долей вероятности отклоняет принадлежность надписи на бусине Адад-нирари II (911—891 гг. до н. э.). Следовательно, остается возможность отнесения ее к Адад-нирари I. Время правления этого могущественного ассирийского царя определяется в настоящее время разными исследователями промежутком 1310—1266 гг. до н. э. Если даже оценить длительность хождения этой бусины по рукам в два, два с половиной столетия, то и в этом случае она должна была быть предана земле в далеком Карабахе ранее 1000 г. до н. э. Ходжалинская бусина Адад-нирари I до некоторой степени восполняет, с точки зрения связи с письменной историей Древнего Востока, хронологический разрыв в археологии Закавказья между хурритскими цилиндрическими печатями из некрополей Армении и твердо датированными эпиграфическим материалом изделиями урартского ремесленного производства. Мы столь подробно остановились на датировке ходжалинских «каменных» курганов, поскольку вместе с бусиной в погребальной камере 11-го кургана была сделана еще одна важная находка—обломок длинной пластинки из железа.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что систематическое производство предметов из железа и стали к югу от реки Куры началось вскоре после 1200 г. до н. э., то есть одновременно с возникновением других очагов металлургии раннего железа в Западной Азии. В настоящее время нет никаких данных, которые позволяли бы говорить о каком-либо индустриальном производстве железного оружия и орудий труда как на территории Хеттской империи, так и в других областях Древнего Востока ранее XII в. до н. э. Таким образом, и хронологический аспект проблемы позволяет постулировать возможность спонтан-

ного развития индустрии железа на базе металлургии бронзы в различных точках Малой Азии, Армянского нагорья, Южного Кавказа.

И вот на фоне подобной картины, исследователь сталкивается с полным тождеством некоторых продуктов производства раннежелезного времени в Армении и Иране. В Шагула-Дерре (Персидский Талыш) в эпоху Железо I (1200—1000 гг. до н. э., по К. Шефферу) значительное распространение имели железные наконечники копий, идентичные закавказским. В тех же каменных ящиках были обнаружены кинжалы и мечи из железа так называемого «луристанского типа» с двураструбными бронзовыми эфесами³¹, также бытовавшими в Закавказье (Куши, Кировакан, Алигрых, Ани, Мхарт). Наконец, комплексы Шагула-Дерре дополняются бронзовыми гравированными пластинчатыми поясами, исключительно характерными для Армении, Грузии и Азербайджана в эпоху перехода от бронзы к железу и схожими керамическими формами.

В Джону братья Морганы обнаружили изогнутые кинжалы распространенного в Закавказье типа, вместе с остальным комплексом аналогичных предметов (Железо I, 1200—1000 гг. до н. э.), в Ага-Евляре (Персидский Талыш)—железные кинжалы³². Близкая культура распространена в Иране далее к югу. В Тепе-Гияне, близ Нихавенда, в слое IV (погребения № 3, 5, 23) начало железного века представлено малочисленными железными кинжалами. Еще южнее, в Сиалке (некрополь А), те же несколько железных слабо изогнутых кинжалов указывают на начало железного века³³. Все это в условиях значительной близости разных сторон культурных памятников. Попытка К. Шеффера удревить некрополь Сиалк А до 1400—1200 гг. до н. э. (культура Сиалк V) представляется мало убедительной. Более обоснована периодизация Р. Гиршмана и Л. Ванден Берге, относящая эти комплексы к 1200—1000 гг. до н. э.³⁴ Эта дата была полностью подтверждена исследованиями последних лет. При раскопках древнего города в местечке Хасанлу, на южном берегу оз. Урмия, был обнаружен мощный слой с культурными остатками, идентичными материалам Сиалк А и Гиян I. Этот период, названный исследователями Хасанлу V, датирован 1250—1000 гг. до н. э. Древесные остатки из Хасанлу V были исследованы в радиоуглеродной лаборатории Пенсильванского университета, в результате чего получены следующие результаты: 1217±126 гг. до н. э., 1132±124, 1036±51 и 1016±47 гг. до н. э.³⁵ Необходимо указать, что очень малочисленные железные предметы, обнаруженные в этом слое, представлены предметами украшения. Керамика Хасанлу V находит аналоги в Закавказье. К

³¹ См. Cl. F. A. Schaeffer, указ. соч., стр. 433—438, фиг. 232.

³² См. там же, стр. 439—442, фиг. 235, 237.

³³ См. G. Contreau, R. Ghirshman, Fouilles de Tepe-Guyan. Paris, 1935, табл. 8(3); R. Ghirshman, Fouilles de Stalk, Paris, 1—2, 1938—1939.

³⁴ См. Cl. F. A. Schaeffer, указ. соч., стр. 467—470; L. Vanden Berghе, Archéologie de l'Iran Ancien, Leiden, 1959, стр. 208.

³⁵ См. R. H. Dyson, Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu. „Journal of the Near Eastern Studies“, 1965, № 3, стр. 195—197.

памятникам той же эпохи, в некоторых случаях дающим материал, аналогичный закавказскому, относятся также на территории Ирана могильник близ Курвина, некоторые гробницы Гёй-Тепе (период В), а также памятники Таш-Тепе³⁶ и некоторые остатки в Яник-Тепе на берегу Урмий³⁷. Уже давно отмечалась связь луристанских бронз (1200—800 гг., по Ванден Берге) с культурами Кавказа³⁸. Особо необходимо отметить, что большинство из указанных поселений и могильников на территории северо-западного Ирана возникало заново на давно разрушенных остатках предшествующих культур и что, как правило, между эпохой, предшествующей 1250—1200 гг. до н. э., и последующей эпохой практически нет связующих звеньев.

Итак, в последней четверти II тысячелетия до н. э. на территории Закавказья и Западного Ирана сформировались близкие культуры, знаменующие собой первый этап железного века с тождественными основами металлургии железа. На этот же период приходится формирование урартской этнокультурной общности на юго-востоке Армянского нагорья в районе Мусасира.

С конца IX в. до н. э. начинает ощущаться культурное влияние биайнского общества на территории Восточной Армении, в условиях существования здесь иной по сравнению с XII—XI вв. до н. э., более развитой индустрии, характеризуемой рядом новых элементов, в том числе расширением производства орудий труда из железа.

Обзор находок с территории Армении, Восточной Грузии, Нагорного Карабаха и некоторых других районов Азербайджанской ССР показывает, что наиболее древние изделия из железа и стали, являвшиеся продуктом индустриального производства, встречаются в основном в погребениях воинов. Об этом можно судить по набору вооружения из инвентарей ворнакского погребения № 16 (меч, секира, копье, защитный бронзовый пояс), Кулиджанской гробницы (меч, копье, стрелы, пояс, удила), бешташенского грунтового погребения № 18 (кинжал, стрелы, пояс, булава), самтаврского погребения № 591 (меч, кинжал, секира, копье, стрелы, пояс) и других аналогичных комплексов.

Совсем недавно при раскопках общинного могильника Трели на Дигомской равнине было обнаружено погребение воина с богатым инвентарем. Помимо разнообразной керамики в погребении находились бронзовые (меч с усеченным концом, изогнутый нож со скульптурным изображением животного на рукоятке, стрелы, навершия посохов, орнаментированный широкий пояс, кольца и пряжки от портупей, одночленная фибула), железные (меч, кинжал, наконечник копья, нож), костя-

³⁶ См. L. Vanden Berghe, La nécropole de Khürvin, Istanbul, 1964; T. Burton Brown, Excavations in Azerbaidjan, 1948, London, 1951, стр. 111—152; R. H. Dyson, указ. соч., стр. 196.

³⁷ См. M. Van Loon, Excavation in Northwest Iran, 1962, „Persica“, 1964, стр. 13—18.

³⁸ См. F. Hancar, *Kaukasus-Luristan*. „Eurasia Septentrionalis Antiqua“, IX, 1934.

ные (стрелы) предметы и сердоликовые бусы. Захоронение датируется XI—X вв. до н. э.³⁹

Появление на рассматриваемой территории большого числа погребений воинов в последней четверти II тысячелетия до н. э., очевидно, свидетельствует о формировании и существовании новой социально-экономической прослойки на авансцене истории северной и восточной части Армянского нагорья и Восточного Закавказья.

Крушение первобытнообщинного строя и переход к раннеклассовому обществу на территории Армении и значительной части Восточной Грузии археологически отмечается появлением богатейших курганов княжеской аристократии Триалети, Бедени, Кировакана, Лчашена последней трети III тысячелетия до н. э. и периода средней бронзы. Похороненные в этих гробницах князья, накопив богатства и завладев при жизни фактической экономической властью, и после смерти не хоронились на общинном некрополе, а оставались покоиться в пантеонах, отделенных от общинных могильников. Однако, по-видимому, в области межплеменных отношений каждый такой правитель мог выступать лишь вместе со всем народом и только от имени своего народа.

Подобная социальная структура общества, находившегося в состоянии активной дифференциации, и, прежде всего, господство в хозяйстве отгонно-кочевого скотоводства в сочетании с земледелием резко увеличивали число военных столкновений с целью угона скота и грабежа. В XIV—XIII вв. до н. э. резко возрастает количество производимого вооружения, о чем явственно свидетельствуют могильные инвентари, и появляются отдельные погребения воинов в полном вооружении (например, артикский катакомбный склеп № 3 и др.). В то же время возводятся огромное число крепостных сооружений.

В последние два столетия II тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э. количество погребений воинов с бронзовым и железным оружием становится столь значительным, что, бесспорно, приобретает совершенно новую качественную характеристику. При этом следует помнить, что и княжеская прослойка, представители которой хоронились в отдельных пантеонах, в гробницах с исключительно богатыми погребальными дарами, продолжала существовать и крепнуть. Вместе с тем могилы воинов топографически не выделяются из общинных некрополей, размещаясь впережку с погребениями бедных скотоводов-земледельцев и отличаясь от последних лишь обилием инвентаря и наличием в них доспеха. Это наводит на мысль о том, что внутри общины, несмотря на продолжение имущественного расслоения и после оформления княжеско-аристократической верхушки, воины еще не противопоставляли себя пастухам, которые при нужде также брались за оружие для защиты своего имущества. Более того, следует полагать, что в мирное время хо-

³⁹ См. Р. М. Абрамишвили, К. С. Каландадзе, В. В. Николайшвили, А. Т. Рамишвили, Н. Н. Тушишвили, Основные итоги работ Тбилисской экспедиции. В сб. «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973, стр. 417, 418.

зяйственные занятия воинов существенно не отличались от труда пастухов-землепашцев. Однако уже существовала принципиальная разница в источнике доходов воинов и пастухов-землепашцев. Если последние добывали себе пропитание мирным трудом, то воины, бесспорно, стремились к организованному грабежу, и организаторами этого грабежа стали басилевсы. Таким образом, если внутри общины воины являлись ее членами, хотя и влиятельными, то вне ее они составляли военную опору князя-басилевса. Басилевсы северо-восточной половины Армянского нагорья получили возможность совершать гораздо более дальние военные экспедиции, чем прежде, при поддержке первых шагов профессионализирующегося воинства. Князья, оторвавшись от всей массы соплеменников в области внешней политики, установили свое классовое господство над общинами и, опасаясь нападений соседей и восстаний подвластного населения, засели за толстыми стенами цитаделей «циклопических» городов-крепостей.

Если бросить ретроспективный взгляд на социально-экономическую историю северо-восточной части Армянского нагорья по археологическим данным до-ванской эпохи, то серьезные симптомы разложения первобытнообщинного строя будут заметны уже с начала III тысячелетия до н. э. Вся первая половина II тысячелетия до н. э. в истории Армении и Восточной Грузии, усыпанная золотом богатых курганов, может изучаться как переходный период от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу. Процесс этот в основном уже находился в стадии завершения в XV—XIII вв. до н. э. Существование в этот период первых крупных, по древневосточным понятиям, государственных образований на юго-западе и западе Армянского нагорья могло способствовать ускорению данного процесса в его северо-восточной половине. Именно появление социального сословия воинов в последней трети II тысячелетия до н. э. может рассматриваться в роли одного из формальных критериев новой качественной определенности раннеклассового общества.

В подобных исторических условиях на Армянском нагорье создавались первые крупные, но весьма непрочные федеративные государственные образования, состоявшие из отдельных «стран». С такой федерацией серьезно столкнулись ассирийцы в конце XII—начале XI вв. до н. э., когда Тиглатпаласар I «60 царей стран Наири и (тех), что пришли к ним на помощь, прогнал своим дротиком до Верхнего моря»⁴⁰ (т. е. Черного моря). В свете всего сказанного представляется в высшей степени соблазнительным вспомнить и придать некоторое историческое значение сказанию, донесенному до нас Мовсесом Хоренаци, о походе армянского родоначальника Зармайра с войском на помощь Приаму и

⁴⁰ И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. I—III. «Вестник древней истории» (далее—ВДИ), 1951, № 2, 3, 4, текст 10, столбец 4, стр. 43 и сл.

о его гибели в Троянской войне (1270—1260 гг. до н. э.) от руки ахейских героев⁴¹.

Новая социальная структура раннеклассового общества последней трети II—начала I тысячелетий до н. э. в северо-восточной половине Армянского нагорья, помимо распространения «могил воинов» на общинных некрополях и параллельного им существования княжеских пантеонов, археологически фиксируется также активным строительством «циклопических» крепостей и, что наиболее существенно, появлением в некоторых городах-крепостях мощных цитаделей, занимающих площадь меньше окружающего поселения, также укрепленного наружной обводной стеной.

Археологические данные прекрасно иллюстрируются победными надписями урартских царей, отразившими форму социальной структуры различных областей Армянского нагорья до-ванской эпохи. На основании данных урартской эпиграфики может быть предпринята попытка классификации населенных пунктов, которые захватывали цари древнего Вана. В этом отношении показательна надпись Сардури II, повествующая о походе на страну Пулуади, обнаруженная в горах на крайнем северо-западе современного Ирана, недалеко от административного центра Варзакан и приведенная в УКН под № 417. Вот текст этой надписи, в которой отмечены основные типы населенных пунктов северо-восточной половины Армянского нагорья:

«Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил Каднау (?), царя горной страны Пулуади. Халди могуч, оружие (?) бога Халди—могучее.

Выступил (в поход) Сардури, сын Аргишти. Сардури говорит: завоевал я 21 крепость⁴². 45 (?) (или: 44 ?) городов я за один день захватил. Город Либлиуни, царский город укрепленный в бою я завоевал.

Сардури, царь могущественный, царь великий, царь стран, царь страны Биайнекли, правитель Тушпа-города»⁴³.

Всякое поселение в урартском языке обозначалось словом *patare*, т. е. просто «город», и чаще всего писалось идеографически URU. Это указывает на отсутствие в ту эпоху осознанной противоположности между городом и деревней. Языковой материал древней Передней Азии вообще не фиксирует социальных противоречий между городами и сельскими поселениями, что в том числе свидетельствует о завершении городской революции в недалеком прошлом. Археологические данные говорят о том, что до-ванский *patare* мог иметь внешние укрепления или же был вообще незащищенным (последнее гораздо реже).

Следующей стадияльно-социологической категорией населенных пунктов являлись «цитадели», или же «крепости», идеографически обо-

⁴¹ См. *Мегрешян*, I, д. 1, I, 1.

⁴² Курсив наш.— Г. А.

⁴³ Текст надписи приведен в переводе Г. А. Меликишвили. См. УКН, ч. II. Открытия и публикации 1954—1970 гг., ВДИ, 1971, № 3, 4.

значаемые Ё. GAL⁴⁴. Большая разница понятий *patage* и Ё. GAL, отмечаемая в цитированной надписи Сардури II, фиксируется подобным противопоставлением и в ряде других текстов⁴⁵. Иногда указывается, что сама «цитадель» была «укрепленной»⁴⁶. Например, в стране Уеликухи на побережье озера Севан Сардури II захватил «XXII цитадели укрепленные» —URULUGAL MES a-gu-ni-ni ta-ni. Означает ли a-gu-ni (или же a-jû-né), что «цитадель» была значительно сильнее укреплена, по сравнению с *patage*, или же тем самым подчеркивается наличие внешних оборонительных сооружений вокруг поселения, окружающего цитадель (последнее более логично) — вопрос этот потребует дальнейших изысканий. Поскольку в до-ванской Армении нам не известны сколько-либо крупные крепости, выполнявшие исключительно военно-стратегическую роль и не имевшие собственного мирного населения, остается полагать, что термином Ё. GAL определялись сравнительно большие населенные пункты, центром которых являлась цитадель⁴⁷.

⁴⁴ В урартских надписях, помимо идеограммы Ё.GAL, засвидетельствовано фонетическое *burgapa* (см. УКН, 17₁, 19₂₀, 20₂₉). По словарю Г. А. Меликишвили, одним из значений этого слова может быть «крепость». По всей вероятности, *burgapa* происходит от праиндоевропейского корня *bherg'h* — «возвышаться», «высокий». Также древнегреч. *πύργος* — «башня», лат. *burgus* — «крепостная стена», нем. *Burg* — «замок». Из индоевропейского заимствовано сирийским — *bnrgā* «башня», откуда впоследствии заимствовано арабским — *burj* — «башня» (см. *Հր. Աճառյաշի, Հայերէն արմատական բառարան: Ա հատր, Երևան, 1971*, стр. 488). Очевидно, что арм. *բուրգն* (*burgn*) — «башня», «высокое здание» происходит от урартского *burgapa*. Понятно, что совершенно различная семантика идеографич. Ё. GAL и фонетич. *burgapa* не позволяет их считать эквивалентными в урартском языке. Помимо *burgapa* в урартском языке имеется еще один термин — *tagini*, как-то связанный с фортификацией и засвидетельствованный только один раз в Хорхорской летописи (см. УКН, № 127, столбец 1₂₆). Его этимология недостаточно ясна, чтобы говорить о связи с понятием Ё.GAL. См. также—*gagini*.

⁴⁵ См. УКН, № 128, В1, 155A, 155F, 158.

⁴⁶ См. УКН, № 127, столбец V₇₅, 155A₇, 155B₂₀₋₂₁, 155 F₁₇, 155 F₂₄.

⁴⁷ Вышесказанное предположение лучше всего подтверждается надписью Сардури II близ Изоглу. Из нее очевидно, что Ё.GAL принципиально отличается от *patage* именно наличием цитадели в населенном пункте (см. УКН, 158₂₆₋₃₂, а также УКН № 155 B₂₀). Номенклатуру населенных пунктов Ванского царства кратко рассматривает Б. Б. Пиотровский (см. его «История и культура Урарту». Ереван, 1944, стр. 248—250. Его же, Ванское царство. М., 1959, стр. 198). При этом совершенно правильно он разделяет социокультурное содержание терминов, относящихся к населенным пунктам урартской империи, и тождественные им наименования, прилагавшиеся урартами к завоеванным населенным пунктам, скажем, на территории Восточной Армении. По ряду внешних признаков города и селения Ванского царства, конечно, могли не отличаться от населенных пунктов до-ванской эпохи к югу от реки Куры, однако первые входили в социальную систему, выражавшуюся централизованной монархией, тогда как вторые составляли структуру населенных пунктов раннеклассового общества. Это противопоставление иногда не отмечается. Г. А. Меликишвили пишет: «Таким образом, на обширной территории Наири—Урарту (подразумевается все Армянское нагорье и Южное Закавказье.— Г. А.) перед нами предстает однородная картина: имеются два основных типа поселений—«укрепленные, обнесенные стенами города» — («укрепленные» крепости» (асс. *alāni dānputi bit dūranī* — урартск. Ё.GAL. *agupini ta-ni*), а вокруг них — «мелкие города (поселения)» (асс. *alāni šlḫrūtī ša līmētisunū* урартск. URU). И далее: мы видим, что, территория Наири —

Наконец, высшей, социально более развитой категорией поселений до-ванской Армении являлись «города царские». Последние, в представлении урартов, четко выделялись из всех остальных населенных пунктов и обозначались трафаретной формулой: ^{URU} ^{URU} LUGAL nu-si⁴⁸ с вариантами: ^{URU} ^{URU} LUGAL-si в более ранних надписях Менуа и Аргишти I. Весьма показательно, что формула «город такой-то, город царский» всегда пишется идеографически (за исключением, естественно, самого названия). Например: ^{URU} Tulihuni ^{URU} LUGAL-nu-si или ^{URU} Iruiani ^{URU} LUGAL-nu-si или ^{URU} Irduni ^{URU} LUGAL-nu-si и т. д. В ряде случаев к этой трафаретной формуле добавляется определение «укрепленный», как в цитированной выше надписи Сардури II.

Таким образом, если в представлении урартов *patare* и *E. GAL* отличались друг от друга преимущественно по формально-структурному и архитектурному принципу, то третья категория выделялась из первых двух по принципу социальному. В действительности тот или иной крупный эгал мог являться «городом царским».

Рассмотренная урартская классификация до-ванских населенных пунктов вполне подтверждается и их количественной характеристикой. Во время похода на страну Архи, южнее озера Урмия, Аргишти I захватил один царский город и 60 других поселений. В федерации Диаухи (ассир. Дайаэни, арм. Тайк), от которой Аргишти I отторгнул страны Диди, Ашкалаши, Када и страну города Шашилу, по данным летописи этого царя, были захвачены столица—царский город Зуа, 105 эгалов и 453 поселения. Примечательно, что во время этого диаухского похода войска Аргишти разрушали эгалы и довольствовались сожжением остальных поселений. Сардури II во время только одного похода в бассейне оз. Севан «20 эгалов, укрепленных в бою завоевал» и, по-видимому, без существенного сопротивления захватил 120 других поселений. Наконец, вышеупомянутая страна Пулуади имела столицу—царский город Либлиуни, 21 эгал и 45 (или 44) других поселений⁴⁹. Число этих примеров может быть увеличено. Нет никакого сомнения в том, что начало

Урарту была покрыта укрепленными, обнесенными стенами пунктами, вокруг которых было разбросано множество мелких, лишенных всяких укреплений поселений, в которых, по всей вероятности, имелись лишь жилые, хозяйственные, а также, возможно, культовые сооружения» (см. Г. А. Мелликишивили, Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наирн—Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 334—340). Археологически такая картина подтверждается в значительной мере лишь для областей прочно освоенных Ванским царством с VIII века до н. э., тогда как на территории междуречья Куры и Аракса, в период, предшествующий ванской экспансии, большинство составляли именно поселения, обнесенные циклопическими стенами, которые и обозначались урартами как *URU* (*patare*). Это еще раз подтверждает предположение о том, что термином *E. GAL* *agupini* *mapu* ванские цари определяли захваченные ими городища с внешними укреплениями и цитаделью.

⁴⁸ См. УКН, № 30₉, 36₈. 127 столбец I₁₂, 127 столбец I₂₇, 127 столбец II₁₄, 127 столбец II₄₂, 127 столбец III₉, 127 столбец III₃₄, 128 B₁₃, 155 A₁₁₋₁₆, 155 D₄₋₅, 155 E₁₂, 155 E₄₉₋₅₃, 156 D₁₂₋₁₃, 156 D₂₉, 158₁₉, 160₃ 417₇₋₈.

⁴⁹ См. предыдущие четыре сноски.

формирования подобной структуры, состоявшей из населенных пунктов различных типов, должно быть отнесено к середине II тысячелетия до н. э.

Таким образом, начало индустриального освоения железа в Армении и частично Грузии следует относить к последним двум столетиям II тысячелетия до н. э. Такая датировка предполагает самостоятельное возникновение железоделательного производства в этой области, условно называемой нами Понто-каспийским горно-металлургическим центром раннего железа, вне зависимости от других центров первоначальной сидерургии в Западной Азии. При этом закономерно следует отвергнуть как теорию де Моргана о распространении металлургии железа из первоначальной армено-кавказской прародины, так и вероятность ее привнесения в Закавказье с юга. Данный регион располагал необходимыми естественными ресурсами — обильными железными рудами.

В условиях существования единой технической культуры Западной Азии, сложившейся по крайней мере к началу II тысячелетия до н. э., а возможно, и ранее, начало индустриального освоения железа не могло являться следствием чисто технического открытия, монопольным владельцем которого длительное время оставалась бы какая-либо одна этническая группа. Приведенные примеры показывают, что возникновение сидерургии явилось следствием социокультурной необходимости, следствием потребностей социального слоя воинов, появившегося в горных областях Западной Азии повсеместно к концу II тысячелетия до н. э. Другой важнейшей предпосылкой распространения индустрии железа в Армении, также носящей социокультурный характер, явился процесс активной урбанизации, который отмечается урартскими клинообразными надписями и который еще предстоит выявить археологически.

ԵՐԿԱԹԻ ՅՈՒՐԱՅՄԱՆ ՎԱՂ ՇՐՋԱՆԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

ԵՎ ՀԱՐԱՎԱՅԻՆ ԿՈՎԿԱՍՈՒՄ

Գ. Ե. ԱՐԵՇՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ո լ մ)

Երկաթի ինդուստրիալ արտադրության սկզբնավորումը Առաջավոր Ասիայում Հին Արևելքի հնագիտության կարևորագույն հարցերից մեկն է: Այդ մետաղի յուրացման ընթացիկ արհեստական նախադրյալները ուսումնասիրողներին ստիպում են իրենց ուշադրությունը բեռել Փոքր Ասիայի, Հայկական լեռնաշխարհի, Հարավային Կովկասի, հյուսիս-արևմտյան Իրանի վրա:

Հողվածում քննության են ենթարկվում Հայաստանի, Արևելյան Վրաստանի և Ադրբեջանի տարածքում հայտնաբերված հնագիտական այն համալիրները, որտեղ հանդես են գալիս երկաթի հնագույն առարկաներ: Արևելյան Հայաստանի հուշարձանների պեղումներից հայտնաբերված խուրրիական կնիքները, ուրարտական առարկաները հնարավորություն են ընձեռում զգալիորեն վերանայելու Անդրկովկասի ուշ բրոնզի և վաղ երկաթի ժամանա-

կաշրջանի ժամանակագրությունը. կապելով այն հին արևելյան դրավոր առ-
բյուրների հետ: Պարզվում է, որ Քուռ գետից հարավ ընկած շրջաններում եր-
կաթե իրերի սիստեմատիկ արհեստագործական արտադրությունը սկսվել է
մ. թ. ա. XII դարում, հետևաբար վաղ երկաթի ժամանակաշրջանը Հայաս-
տանում թվագրվում է մ. թ. ա. XII—X դդ.: Մինչև օրս պատմագրությանը
հայտնի տեսությունները պողպատի հայտնագործումը և դրա հետ կապված
երկաթի ինդուստրիալ առաջին արտադրությունը այս կամ այն էթնիկական
խմբի (բուրից շատ խեթերի) մենաշնորհն էին համարում:

Հոգվածում աշխատել ենք ցույց տալ այդ պրոցեսի սոցիալական արմատ-
ները: Զենքերը երկաթից պատրաստված առաջին առարկաներն էին, որոնք
հանդես են գալիս սիստեմատիկ արտադրության պայմաններում:

Մ. թ. ա. II հազարամյակի վերջին քառորդում Հայաստանում հանդես
եկող զինվորականության սոցիալական դասը, որը տարբերվում էր տոհմիկ
նախարարներից և, մյուս կողմից, անջատվում էր անասնապահ-հողագործ
համայնականներից, նոր զենք էր պահանջում: Այս սոցիալական պահանջի
հետևանքով հանդես է գալիս մշակութային-արտադրական փոփոխությունը՝
սկսվում է երկաթի ինդուստրիալ արտադրությունը: